

По всем канонам они давно должны были начать служебный роман. Но между Мирославом Евсеевым, исполняющим обязанности директора семейного холдинга, и его личным помощником Ксенией Савельевой вот уже три года сохранялись странные, но деловые отношения. До тех пор, пока Мирослав не решил все изменить, втянув девушку в весьма сомнительную авантюру.

Глава 1

МИРОСЛАВ

Говорят, под Новый год...

Елки, мишура, салаты, веселье и волшебство, которое традиционно витает в воздухе. Гирлянды, мелькающие разноцветьем, и вера в счастье.

В тридцать четыре отношение к Новому году совершенно другое. Обычно все ждут праздника, готовятся встречать его в кругу семьи — для меня же этот год отмечен множеством побед в рабочей сфере, выгодными контрактами и солидной суммой на личном счете в банке. А праздник — своеобразная точка, с которой начнется новый этап жизни. Дед наконец-то убедился в моей состоятельности и готов отдать бразды правления компанией, отправившись на пенсию.

Фактически он уже давно ничего не решает — последние пять лет я исполняю обязанности генерального директора, а теперь стану руководителем уже официально, без глупой приставки «и. о.». О своем намерении он решил сообщить

на семейном ужине прямо в Новый год, так что праздника я жду с особенным энтузиазмом. Будто снова вернулся в детство, только подарки куда серьезнее.

Закончив с делами, которые даже тридцать первого умудрились образоваться, вешаю на заднем сиденье чистый костюм и сажусь за руль. Уже пора открывать шампанское и провожать старый год, а я все бегаю как белка в колесе. Рука так и тянется к телефону, и я в сотый раз за день сдерживаюсь, чтобы не набрать номер помощницы, которую сам же отправил в отпуск, оставив себя в праздники без рук. Нужно запланировать вечеринку по поводу моего назначения, а лучше Ксении с этим не справится никто. За те три года, что она работает на меня, я ни разу не пожалел о решении нанять именно эту девушку вопреки принципам. До этого целый год я работал с личным ассистентом — мужчиной и не собирался принимать в штат женщину, которая непременно подумает о служебном романе с боссом.

Но Ксения удивила. За все это время она ни разу не дала даже намека на то, что между нами что-то возможно. По долгу службы мы очень много времени проводили вместе, а иногда она и вовсе выполняла личные поручения: заказывала цветы и подарки для моих девушек и бронировала столики в ресторанах к свиданиям. Словом, я нашел идеального сотрудника, поэтому во время ее отпуска чувствовал себя калекой.

Родительский дом встречает меня пафосом — здесь всегда царит роскошь, словно мы не бизнесмены, а аристократы, почитающие традиции. Поэтому в восемнадцать я сбежал за границу на учебу, а когда вернулся, жить в особняке отказался, выбрав квартиру в центре города. И еще ни разу не пожалел. Младший брат, к слову, сделал так же, а сестра в восемнадцать вышла замуж под давлением деда.

В нашей семье он принимает важные решения, поэтому Оля и не подумала его послушаться. Но в ее жизни все сложилось хорошо: муж ее на руках носит и боготворит, а она рисует картины и воспитывает детей. Это мы с Яриком неблагодарные внуки, которые отказываются заводить семьи и плодить потомство.

Усмехаюсь, и едкое самодовольство граничит с легкой горечью на языке. Когда у тебя в сутки восемнадцать часов уходит на работу, не успеваешь не то что о личной жизни подумать, но иногда и поспать. Да и подходящих кандидатур вокруг крайне мало: либо меркантильные, либо благочестивые девицы, ожидающие, когда влиятельный отец найдет им такого же толстосума-муженька.

Захожу в дом в начале десятого. Здесь, как обычно, собрались все семейство и самые близкие друзья. Старшее поколение общается в гостиной, дети играют возле елки, а брат и сестра в компании дальних родственников разговаривают за праздничным столом и цедают коллекционное вино.

— Мир, ты как всегда! — смеется Яр, увидев меня, и встает. Здравуюсь со всеми, обмениваюсь любезностями и пытаюсь улучшить время для разговора с дедом, но вместо этого попадаю в плен к мелкотне и вожусь с ними до половины одиннадцатого, забыв о костюме, болтающемся на вешалке в машине.

— Своих пока не хочешь? — Оля присаживается рядом и треплет сына по макушке, а после целует в раскрасневшиеся щеки. — Пора бы уже.

Обычно такие разговоры пресекаются сразу, но то ли я порядком разомлел в тепле, то ли малышня так действует, поэтому позволяю сестре увлечь меня на зыбкую дорожку.

— Хочу, но сначала надо найти ту, с которой этих своих можно завести. — Пожимаю плечами. Лекции Оля не читает, обычно искренне желает мне познать семейное счастье и не гнаться только за работой, на что я согласно киваю и возвращаюсь к разговорам о бизнесе.

— Может, не там ищешь?

Чувствую мамино влияние. Точно поработала.

— Может, и так, но сейчас это обсуждать не хочу. — Поднимаюсь как раз в тот момент, когда к нам подходит дед. Он серьезен, так что я порой забываю, что мы родственники, а не коллеги. Да и в последнее время общаемся гораздо больше по рабочим вопросам. — Здравствуй. — Держусь, чтобы не броситься с вопросами, но он не томит меня ожиданием, за что я крайне благодарен.

— Здравствуй, Мирослав. Поговорим с глазу на глаз? — Мы пожимаем друг другу руки и идем в сторону кабинета, игнорируя вопросительный взгляд бабушки, которая категорически против обсуждения работы во время семейных ужинов.

— Так что ты хотел сказать? — спрашиваю, когда закрываю за собой тяжелую дверь в кабинет. Здесь по-прежнему мало света — только торшеры и настольная лампа, — свежо и пахнет сигарами.

В кабинете Яков Игнатьевич когда-то занимался бурной деятельностью, строя империю, а теперь только создает видимость работы, прячась от ворчания ба, и читает газеты или книги, попивая коньяк и раскуривая сигары. Как и весь дом, кабинет выглядит презентабельно, но старо. Когда-то здесь решались судьбы, а теперь обсуждаются новости и детские игрушки.

— Хотел вручить подарок лично, — скрипит он, подходя к сейфу. Набирает комбинацию, которая всей семье давно известна, и достает оттуда конверт. — Присядь, Мирослав, — приглашает он и, с трудом переставляя ноги, занимает свое место во главе стола. — Думаю, ты прекрасно понимаешь, зачем я тебя позвал. Ты руководишь моей компанией. руководишь хорошо, поэтому, думаю, пришло твое время самостоятельно определять будущее. — Дед двигает конверт ко мне, а я не верю, что сейчас получу все, к чему старательно шел почти всю сознательную жизнь.

Глубоко вздыхаю и беру конверт. Вскрываю, как и положено, ножом для писем — незачем травмировать Якова Игнатьевича — и раскрываю дарственную. Улыбаюсь, не веря, что пара формальностей, и я полноправный и единоличный владелец холдинга. Взгляд бежит по буквам, с трудом перевариваю информацию, но натыкаюсь на пункт «Условия безвозмездного дарения», в которых, помимо формальных, различаю одно конкретное и, бесспорно, безумное.

— Ты хочешь, чтобы я женился? — с трудом сдерживаю злость, откладывая бумагу в сторону и стараюсь не делать лишних движений, чтобы не выдать нервозность. — Серьезно? Свадьба, и компания моя?

— Я лишь хочу, чтобы ты, дожив до моих лет, смог передать дело своему сыну и знать, что он не станет жить в бедности.

— Я уже заработал на свою безбедную старость и вполне обеспеченную жизнь возможных детей. — Бью кулаком по столу, все же не совладав с эмоциями. Их слишком много, они разрывают изнутри и грозятся вырваться наружу сумасшедшим вихрем, разнося все к чертям. — К чему это глупое условие?

— К тому, что я знаю, что бывает, когда седина бьет в бороду.

— Ты хочешь перечеркнуть все мои труды только потому, что я холостой? — звучит настолько глупо, что становится смешно. Тру пальцами переносицу и надеюсь, что все это шутка

Бракованные

и сейчас он откажется от бессмысленной за-
теи. — Значит, все то время, пока компания под
моим руководством приносила прибыль, тебя не
волновало мое семейное положение, а теперь ты
готов отстранить меня от дел?

— Я уже все сказал. Либо так, либо никак, —
непререкаемым тоном заявляет дед.

— Ясно. — Поднимаюсь и, сжав в руках дар-
ственную, быстро покидаю кабинет.

До Нового года еще час, но все желание празд-
новать исчезло. Поднимаюсь в бывшую свою
комнату и сажусь на кровать. Хочется выпустить
пар, но могу разве что пару теннисных мячей
из ящика запустить из окна. Нужно поговорить
и обсудить ситуацию, поэтому я набираю номер
единственного человека, которому сейчас могу
довериться.

Глава 2

КСЮША

Отпуск. Как долго я его ждала. И выпрашивала. И умоляла. И угрожала. В итоге выторговала целых три недели! На самом деле две, но вторая пришлась на новогодние праздники. Жалею ли я? Ни капельки! Избежала новогодней суеты, которая царит в офисе, корпоратива, на котором ко мне опять бы клеился главный пиарщик. Фиговый он специалист, раз за три года так и не наладил со мной мало-мальски дружеские отношения.

Содрогаюсь, только вспоминая его пошлую ухмылочку, и перевожу взгляд на бассейн, бликующий в свете фонарей. Сегодня здесь мало людей, все готовится к празднику, а мы решили немного расслабиться перед вечеринкой и отдохнуть как положено — со сплетнями и коктейлями. Прикрываю глаза и улыбаюсь — решение уехать в теплые края на Новый год было лучшим

в моей жизни. Никаких морозов, гор снега, зато-ров на дороге и всклокоченных от шапки волос. Вместо этого бронзовый загар, вкусные напитки и интересные знакомства.

— Я бы не уезжала отсюда никогда, — тянет Иринка, моя подруга, главный советчик и самая любимая группа поддержки. С ней мы прошли огонь, воду, первую школьную любовь, которая у нас оказалась одна на двоих, ее развод, мои горе-отношения и первый год работы в должности личного помощника, когда я была готова писать заявление на увольнение каждый божий день.

— Согласна, — киваю и тянусь обеими руками к ананасу, в котором подали пинаколаду. — Но, думаю, Мирослав Станиславович тогда лично за мной прилетит. Он и так был готов отменить мой отпуск, когда узнал, что я выйду на работу только в конце месяца.

— Я вообще поражаюсь, как ты до сих пор на этого психа работаешь. Слава богу, что хоть платит хорошо! — Смеюсь. Если я, сработавшись с Евсеевым, все-таки смогла изменить к нему отношение, то Ирка моего босса продолжает громко ненавидеть. И всякий раз попрекает тем, что я продолжаю трудиться в девелоперской компании «Монолит», когда могла бы найти более спокойную работу, а не лицезреть Мирослава Станиславовича шесть дней в неделю, потому что он систематически забывает о существовании второго выходного.

